

И. Т. Кокорев

Сибирка

Мещанские очерки

Москва сороковых годов. *Очерки и повести о Москве XIX века*

М., "Московский рабочий", 1959

Подготовка текста, послесловие и примечания Б. В. Смиренского.

OCR Бычков М. Н.

I

В Москве раздольной есть много улиц, где в известные часы дня кипит деятельность и на которых зато вечером едва встретишь живую душу. Жильцам их, встающим в то время, когда образованный люд столицы спешит успокоиться от волнений затянувшейся пульки или другого какого душеполезного занятия, -- некогда, да и несподручно думать о средствах убивать вечера, и лишь на несколько минут выйдут они за ворота подышать свежим воздухом и вполголоса спеть какую-нибудь заунывную...

Таков Крест, улица, которая тянется на добрую версту, от Серединки (за Сухаревской) вплоть до самой Троицкой заставы. И летом и зимою, с раннего утра до самых вечереи, по ней беспрестанно сует народ, и взад и вперед плетутся нехитростные деревенские колымаги, снабжающие Москву разными припасами, от сена до молока; кучками толпятся коренные обитатели этого места -- ямщики, собираясь запить магарыч с предстоящей поездки; зачастую промчится ухарская тройка -- и все это вместе придает оживленный вид ее однообразным и не очень казистым домам, особенно когда присоединить сюда шум и говор базарного дня, торговое движение в местных лавках, а летом бесчисленные пестрые толпы богомольцев, преимущественно в нерабочую пору, когда все замосковные губернии -- не один десяток тысяч людей -- пройдут Крестом на поклонение святыням Троицкой лавры. Вечер, как сказано, с немногими исключениями, безмолвен и скучен, а вечер осенний -- просто невыносим. И то сказать правду, что осенью не один Крест, почти вся Москва прозябает, а не живет (говорится про жизнь уличную); но здесь, по какому-то предопределению природы, сосредоточивается все, что может сморщить самое веселое лицо и заставить призадуматься о мирских невзгодах самого беззаботного человека, -- и скорее хочется отсюда в глубину города, где даже в такую погоду, когда, по пословице, и собаку не сгонишь палкой со двора, люди суетятся, хлопочут, бегают.

В один из подобных вечеров, на исходе сентября, небо, задернутое серой дымкой облаков, слезливее обыкновенного смотрело на обнаженную землю; как из сита, изморосили мелкие водяные капли, которые совестно и называть дождем; а ветер то кружился с кучею листьев, то протяжным завываньем сзывал слушателей на свой даровой концерт. Темь, сыро, холодно. Улица была пуста. Правда, изредка промелькивал по ней замасленный фонарщик, бегом оглядывал свою команду огоньков, останавливаясь лишь на несколько секунд, чтобы переброситься парюю слов с дремлющим земляком-будочником; или этот последний, из соревнования к деятельности сослуживца, после протяжного "слушай!" вызывал своего товарища, прикорнувшего было за печкой, и посылал его посмотреть, "не шатается ли какой бездомный"; местах в двух слышались глухие удары сторожа, бывшего часы, или грохот отдаленных дрожек, затихавший среди тьяканья разношерстных; но эта деятельность, это движение погасали в продолжение каких-нибудь пяти минут, и с возвращением будочника к прерванному сну становилось прежнее безлюдье.

И странно было в такую пору, в этой смирной стороне, услышать голос, который пел какой-то церковный стих, перемежая его разными рассуждениями, не всегда приличными словам пения, -- и голос этот раздавался с одного места, не приближаясь и не отдаляясь, и раздавался не свободными, полными тонами, а отрывисто, как будто по принуждению. Мерцающий свет фонарей позволял исследовать это любопытное явление, и при внимательном наблюдении можно было усмотреть, что неизвестный певец, развлекавший скуку позднего одиночества, было существо, полулежавшее на мостовой около часовни, при повороте в Сокольнический переулок. Пение постепенно ослабевало, уступая место мыслям вслух, которые непрерывным потоком лились из уст словоохотливого певца.

-- На всяком месте владычество его!--говорил он.-- Упал и не ушибся! Слава тебе, господи! Жена,